

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Социальные науки: характеристика предмета, отношение к социологии // Философская мысль. 2024. № 8. С. 10-20. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.8.39572 EDN: KZTYYS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39572

Социальные науки: характеристика предмета, отношение к социологии

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российской академия наук
109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com



[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.8.39572

EDN:

KZTYYS

Дата направления статьи в редакцию:

07-01-2023

Аннотация: В статье обсуждается ситуация, сложившаяся в методологии социальных наук. Возникли проблемы с определением предмета этих наук и разграничением их с социологией. Если одни социологи отстаивают специфику социологии, то другие, например, З. Бауман, утверждают, что «социология является остаточной дисциплиной, пробавляющейся тем, что остается вне поля зрения других социальных дисциплин». Автор вслед за Бауманом разводит и связывает социологию с социальными науками следующим образом: в социальных науках изучаемые в социологии процессы и взаимодействия людей рассматриваются как факторы и антропологические условия соответствующих деиндивидуальных структур и процессов (экономических, политических, правовых, институциональных и пр.). Отвечая на вопрос о характере предмета социальных наук, автор утверждает, что социальные науки, изучают, с одной стороны, объединения и популяции людей, с другой – процессы и закономерности их изменения, с третьей стороны, социальные действия, под влиянием которых эти изменения происходят. Социология конструирует свои идеальные объекты в предположении, что главным в этой реальности являются люди и их отношения. Другие

социальные дисциплины рассматривают людей как один из факторов и условий, а в качестве главных выделяют и изучают различные деиндивидуальные процессы и структуры. Эти положения разъясняются в рамках методологического дискурса и иллюстрируются на материале истории культуры.

Ключевые слова:

социология, социальные науки, социальность, предмет, мышление, изменение, факторы, условия, природа, общество

Поскольку считается, что социальные науки начинались с социологии, и социология до сих пор претендует на ведущую роль в познании социальности, поскольку предмет социальных наук нельзя обсуждать, не прояснив отношение этих наук к социологии. Действительно, когда-то главенство социологии в познании социальности, понимаемой или как особая природа, законы которой устанавливаются по образцу естественных наук, или как Общество, не подвергалось сомнению. В настоящее время Зигмунд Бауман в работе «Мыслить социологически», выступая в качестве методолога, делится очевидной для него констатацией: «социология является остаточной дисциплиной, пробавляющейся тем, что остается вне поля зрения других социальных дисциплин». [\[2, с. 10\]](#).

И понятно, почему. Разве экономика, история, политическая наука, право и др. социальные дисциплины не анализируют социальные отношения, причем в более конкретном предметном контексте, чем в социологии? И разве социальные отношения существуют сами по себе вне экономики, исторического времени, политики, права, социальных институтов? Не таково ли (вне этих практик) было понятие Общества, которое в настоящее время критикует Бруно Латур, и не только он. «Однако, – пишет Латур, – для АСТ (акторно-сетевой теории. – В.Р.) ситуация совершенно другая, потому что ни общества, ни социального с самого начала не существует <...> Но как только вы меняете модус существования публичного, превращая его в общество, чтобы сохранить за собой огромную, противоречивую и трудную задачу объединения его политическими средствами, его проблематическая хрупкость исчезает. Политическое тело превращается в общество, которое как предполагается, держится собственной силой даже в отсутствие какой бы то ни было политической активности <...> Пока мы ищем за коллективом тень общества, а за обществом – тень Левиафана, никакая наука о социальном не может продвинуться вперед. Говоря более резко, или общество – или социология» [\[5, с. 54, 228, 229\]](#).

Критика социологии идет по разным направлениям. Подвергается сомнению методология рассмотрения социальности по аналогии с явлениями первой природы («рожденная в суровые времена, – замечает Латур, – социология пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [\[5, с. 344\]](#)). В одних случаях в социологии придается малое значение роли личности, в других, наоборот, эта роль гипертрофируется. Усомневаются исторические законы развития социальности; изменения последней скорее выглядят как подчиняющиеся логике сингуллярности.

Например, наш известный социолог, С.А.Кравченко пишет следующее. «Отмечалось, что и структурный функционализм слишком акцентирует влияние социального целого по отношению к социальным субъектам – прежде всего, реально действующим людям.

Кроме того, критиковалась и *натуралистичность* этих парадигм, которые строились на убеждении, что социальные законы и законы природы едины по своей сути – они могут быть открыты путем анализа и обобщения фактов, и те и другие объективны. Из чего следовало, что открытые “исторические законы” позволяли прогнозировать в принципе безальтернативное будущее. Между тем факты развития обществ и на Западе и на Востоке все больше свидетельствовали об отсутствии жестких объективных закономерностей вообще. Слабости отмечались и в интерпретативных парадигмах, которые критиковались за их абсолютизацию, максимальную актуализацию субъективного начала, что приводило к другой крайности – умалению влияния социально-культурного контекста на человеческую деятельность» [\[4, с. 29-30\]](#).

В свою очередь, Бауман обращает внимание на то, что социальные знания не похожи на естественнонаучные, они ближе к гуманитарным, представляя собой интерпретации, что социальная реальность множественна («популятивна»), поэтому, в частности, ее можно описывать и объяснять по-разному, что направленность интерпретаций в социологии служит «делу свободы». «Социология – это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими частными дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта (литература, искусство, философия). Социологическое мышление... привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшивьсть ее самодовольства и якобы явной самодостаточности. Социологическое мышление не затрудняет, а способствует потоку переживаний и их обмену. И если говорить прямо, она прибавляет неопределенности, поскольку подрывает усилия “заморозить поток” и захлопнуть все входы и выходы. С точки зрения власти, озабоченной установленным ею порядком, социология является частью хаотичного мира, скорее проблемой, чем решением... Социологическое мышление помогает делу свободы» [\[2, с. 241-242\]](#).

Означает ли все это, что социологи предлагают признать проект социологии неудачным и отказаться от него? Естественно, нет, они пытаются развести социальные науки и социологию, сформулировав специфику того и другого. Например, Бауман правильно указывает, что социальные науки ставят в центр своего изучения не взаимодействия и взаимоотношения людей (так поступает социология), а деиндивидуальные процессы и структуры. Например, в экономике исследуются *процессы обмена*, а антропологические реалии рассматриваются как один из факторов наряду с другими. В то же время социологов в экономической реальности будет интересовать именно поведение людей, правда, анализируемое в контексте обмена («В экономической науке, – отмечает Бауман, – отношения между действующими индивидами (акторами) выступают как аспекты производства и обмена товарами и услугами, регулируемые спросом и предложением»). [\[2, с. 12\]](#)

Обобщая, Бауман относит предметы, изучаемые в других социальных науках (ведь социология тоже социальная наука), к контексту «более широких структур». «То, что отличает социологию и придает ей особый характер, – поясняет он, – это привычка рассматривать человеческие действия как элементы более широких структур, т.е. отнюдь не случайных совокупностей действующих лиц, замкнутых в сети взаимной зависимости (зависимость же есть состояние, при котором вероятность того, что действие будет предпринято, как и вероятность успеха этого действия, меняются в соответствии с тем, что представляют собой другие действующие лица, что они делают или могут сделать)»

[\[2, с. 12\]](#). Продолжая мысль Баумана, можно предположить, что в социальных науках изучаемые в социологии процессы и взаимодействия рассматриваются как факторы и антропологические условия соответствующих деиндивидуальных структур и процессов (экономических, политических, правовых, институциональных и пр.). Перейдем к характеристике, с одной стороны, предмета социальных наук, с другой – его ценностно-прагматического контекста.

Первая характеристика предмета социальных наук такая: социальные науки анализируют не индивидуумов (отдельных людей, личности – это прерогатива психологии), а «объединения людей», как исторические, сложившиеся для совместной жизнедеятельности (например, семья, род, античный полис, народ, трудовой коллектив), так и искусственно выделяемые социальные популяции (избиратели, потребители и др.). При этом социальные объединения и популяции рассматриваются с трех точек зрения: каким образом они устроены (состав, отношения и т. п.), какие изменения и процессы претерпевают (образование, функционирование, развитие, экспансия, ослабление, распад), какому «социальному порядку» следуют. Социальные объединения (популяции) и социальный порядок – две стороны одной монеты. Например, в «Политике» Аристотель характеризует полис как через взаимоотношения граждан (аспект социального объединения), так и государство (социальный порядок). «Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо граждане, участвующие в государственном общении не граждане, либо они должны все быть причастны к общей пользе. Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе. По общему представлению справедливость есть некое равенство... а такое равномерно правильное имеет в виду выгоду всего государства и общее благо граждан» [\[1, с. 445, 471\]](#).

Теперь важная характеристика контекста – это установка (посыл) к такому изменению социального порядка, которое отвечает чаяньям граждан, например, на улучшение жизни. Как правило, этому предшествует оценка социальности как неудовлетворительной. Форма этой оценки может быть самой разной: от констатации – такова жизнь (*sic vita est*) до утверждения, что социальность устроена неправильно. Если Платон в «Законах» говорит, что надо настроиться на борьбу с двумя противниками – бедностью и богатством (первая причина страданий и бесстыдства, а богатство развратило душу людей), то К.Маркс утверждает, что капиталисты крадут у рабочих созданную ими прибавочную стоимость и, следовательно, с такой социальностью нельзя мириться.

«Постоянное стремление того, что мы называем обществом, – пишет Маркс в 1821 году, – состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю его собственного труда... Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?...так как эти материалы находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности – то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую долю плодов его собственного труда они пожелают дать ему в

вознаграждение за этот труд... по отношению к величине удержанного продукта , называется ли это налогами, прибылью или кражей» [\[6, с. XII-XVI\]](#) (выделение наше. – В.Р.).

Посыл к изменению социальной жизни не обязательно является гуманистическим, он может быть и эгоистическим. Например, Александр Македонский, готовя поход против персов, «заимствует от отца важный посыл («социальное послание», «социальный проект»), а именно, что греки должны отомстить персам за прежние обиды, а также резко поднять свое благосостояние за счет их богатств. Как известно, автором этого послания был афинский оратор Исократ, который в “Слове к Филиппу” призывал к общеэллинскому походу против Персии под руководством македонского царя, утверждая, что такая война, “лучше мира и скорее похожа на священную миссию, чем на военный поход”. В речах Исократа (“Панегирике” и “Слову к Филиппу”) “подчеркивалось изнеженность и трусость, будто бы свойственные персам, и их неспособность вести войну, а также то обстоятельство, что можно будет захватить большую добычу малыми силами”» [\[8, с. 62\]](#).

То, что я называю социальностью, связано именно с установкой на изменение социальной жизни. Эта установка сформировалась в античной культуре и с тех пор сопровождает социальную жизнь.

Вторая характеристика предмета социальных наук и его ценностно-прагматического контекста – это представление о том типе «социального действия» (социальной технологии), которое должно работать на социальное изменение. Например, по мнению Платона, мысленное построение идеального государства можно было реализовать в жизни, с одной стороны, усилиями мудрых правителей, с другой – разъяснениями (знаменитый образ пещеры, откуда людей выводят, предварительно разумно убеждая). Аристотель, как известно, отрицал подобное социальное действие, вместо него он предлагал учитывать природу преобразуемого явления. «Из всего сказанного, – пишет он, – явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря “без роду, без племени, вне законов, без очага”; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске» [\[1, с. 378-379\]](#).

Маркс, тоже признает природу социальности, но понимает ее в естественнонаучном ключе, а социальную инженерию трактует в «Капитале» как революцию («экспроприацию экспроприаторов»). Латур, преодолевая марксизм и следуя здесь за М.Фуко, понимает социальное действие как участие граждан в социальных преобразованиях и политике; роль же самих социологов он видит в изучении и правильном описании социальности, то есть таком, которое позволяет адекватно понять социальную природу, но не искаивает ее. «Мы, – пишет Латур, – хотим быть более беспристрастными, чем это возможно в рамках проекта социальной инженерии традиционной социологии, так как заходим гораздо дальше в исследовании разногласий (речь идет, как бы сказал Бахтин, о предоставлении голоса самим акторам. – В.Р.). Но мы хотим и большего участия... благодаря которому можно помочь по частям собирать коллектив, предоставляя ему арену, форум, пространство, представление благодаря скромнейшему посредничеству рискованного отчета – обычно это хрупкое вмешательство, состоящее только в тексте<...> Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук,

теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей, новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их композиция, чтобы *выстроить общий мир*» [\[5, с. 175, 355\]](#).

Что необходимо знать для того, чтобы контролируемо изменять социальную жизнь? Именно на этот вопрос отвечают социальные науки. Много чего. Во-первых, как устроена и изменяется социальность. Во-вторых, что собой представляет социальное действие, и в каком случае оно эффективно. В литературе описано много типов социальности, причем, когда речь идет о диахронном плане, социальные ученые сталкиваются с большими трудностями. Как в случае прошлого, например, когда, спрашивается, возникло государство или рынок – в Древнем мире или только в Новое время, известно, что ответы даются противоположные в зависимости от того, как эти социальные реалии понимаются. Так и в случае будущего. «Сегодня, – пишет Дж. Ритцер, – в социологии идут ожесточенные дискуссии между теми, кто продолжает считать нынешнее общество современным миром, и теми, кто утверждает, что в последние годы произошли существенные изменения, и мы перешли в новый, “постсовременный” мир» [\[7, с. 484\]](#).

Эти трудности встали в частности потому, что социальные науки ориентируются преимущественно на изучение современных типов социальности. Социальные ученые в душе считают, что социальность не развивается и во все времена равна сама себе (хотя на словах утверждают обратное). Чтобы эти трудности преодолеть, вероятно, нужно от этого убеждения отказаться.

Изменяется социальность под действием целого ряда факторов и условий. Меняется она при смене культуры. Например, при переходе от архаической культуры к культуре Древних царств складывались новые типы объединения людей – на место родоплеменных объединений приходят царства и так называемые «мегамашины» (армия, трудовые коллективы), складывают новые взаимоотношения, например, власть богов, царей и жрецов, новый социальный порядок. Один из вариантов его описан в старовавилонском мифе об Атра-хасисе. Здесь «описывается собрание богов, на котором было решено создать человека, чтобы избавить богов от печальной необходимости трудиться ради поддержания собственного существования.

Когда боги, (как) люди,

Свершали труд, влачили бремя, –

Бремя богов великим (было),

Тяжек труд, многочисленны беды:

Семь Ануннаков великих

Труд свершать заставляли Игигов.

Изнуренные тяжким трудом, боги-Игиги взбунтовались, «в огонь орудия свои побросали» и явились толпой к воротам храма Энлиля, владыки земли. Встревоженный Энлиль призывает царя богов Ану, Энки, которые берутся создать человека, но для этого, говорит Энки, нужно убить одного из богов, чтобы очистить остальных и замешать на крови убитого глину.

В собранье ответили: «Так да будет!»

Ануннаки великие, вершащие судьбы.

В день первый, седьмой и пятнадцатый

Совершил омовение (Энки).

(Бога) Ве-ила, имевшего разум,

В собранье своем они убили [\[3, с.38\]](#).

Получается, что боги выступают как родители человека, они его изготовили и с помощью собственной крови и разума оживили (родили). Кроме того, они установили новый социальный порядок, обязав человека трудиться вместо богов и ограничив его жизнь.

Боги, когда создавали человека,

Смерть они определили человеку,

Жизнь в своих руках удержали [\[3, с. 138\]](#).

Интересно, что в философской и культурологической литературе практически нет объяснений происхождения представлений о богах. Я в свое время предложил функциональное и семиотическое объяснение: боги – это изобретенная человеком схема, позволившая действовать людям в условиях перехода к разделению труда и создания «мегамашин» (по Мемфорду), т.е. больших коллективов с жестким, вертикальным управлением [\[10, с. 168-169\]](#). Но всегда можно задать вопрос: чем был обусловлен переход к разделению труда и формирование мегамашин, разве не новой формой осознания действительности? Недавно ушедший из жизни академик Вячеслав Всеволодович Иванов размышлял именно в этом ключе, предположив, что сборка больших коллективов предполагала выдвижение какой-то новой идеи, смысла, что не нужда выступала мотором социальности, а скорее – новые идеи и смыслы сознания. Думаю, он был прав. Рассмотрим в связи с этим открытие в Анатолии (в местечке «Гёбекли –Тепе») храмового комплекса, включающего круговое сооружение и колонны, относящегося аж к 12 тыс. лет до н.э. [\[11\]](#). На колоннах высечены изображения тотемных животных разных племен. Именно это археологическое открытие дало толчок для новых мыслей Вячеслава Иванова.

Опираясь на свои исследования архаической культуры и культуры древних царств, я могу предложить следующий сценарий создания этого комплекса. Несколько дружеских племен (обменивавшихся невестами и другими продуктами, соединявших периодически свои усилия в стычках с чужими племенами) свезли на “Пупочный холм” свои тотемные столбы (колонны). Позднее такие столбы стали изготавливаться здесь специально. Эти столбы, а для архаического человека – духи племени, обычно понимались как защитники территории племени против чужих духов. В результате соединения в одном месте тотемов возник новый эффект – ощущение нового существа. В качестве нескольких тотемов такое существо понималось как могущественный дух всех племен. Как тотем “не свой” (ведь кроме своего столба здесь стояли другие, не свои) давал санкцию на запрещенные действия, позволяющие преодолевать «табу». Можно предположить, что изобретение и становление нового становилось возможным только в том случае, если, с одной стороны, блокировались привычные, традиционные представления, а с другой – допускалось запрещенное, но воображаемое и поэтому часто желаемое. Чтобы это существо могло давать новые указания людям, оно должно было говорить и выглядеть как представитель своего племени (дружеских племен),

лучше даже как вождь или шаман. Поэтому не удивительно, что со временем такое существо стало осознаваться уже не как дух племени (обычно в образе животного), а **антропоморфно**, как некое могучее существо, создавшее из отдельных племен новое большое племя, дающее санкции на новые необычные действия, защитник всех людей нового объединения, как тот, кому нужно было подчиняться. Получило со временем такое существо и новое имя – «бог».

В рамках подобного сценария, чтобы возникло новое целое (в данном случае, представление о боже), необходимо, по меньшей мере, два условия: во-первых, объективные предпосылки (дружба нескольких племен, решение их свести тотемы в одно место, эпизодические нарушения табу и приятие одним из вождей необычных решений и пр.), во-вторых, своего рода изобретение нового смысла и идеи, которые запускают новые социальные процессы. (Так дело выглядит в нашей реконструкции, с точки же зрения «реконструируемого», новые смыслы, конечно, не изобретаются, а открываются, обнаруживаются им). В рамках указанного сценария, создание мегамашин и специализация людей в новых коллективах (одни стали воинами, другие ремесленниками, третьи писцами, четвертые жрецами или царями) стало возможным именно потому, что были обнаружены, открыты боги. Другое дело, что по мере развития мегамашин и специализации людей менялось и понимание богов. Богов становилось все больше, они дифференцировались в соответствии со своими ролями, все лучше осознавались их свойства» [\[9, с. 63-66\]](#).

Социальность меняется и в результате действий людей. Яркий пример, походы Александра Македонского, они способствовали «созданию не только империи, но и формированию культуры эллинизма. С распадом державы Александра Македонского, в Передней и Малой Азии стали складываться новые формы социально-экономических отношений. На территорию империи переселилось много македонян и греков, принесших туда свои обычай и культуру. Развивались товарное производство и рыночные отношения. Полития строилась на сочетании власти монархий с самоуправляющимися общинами. Все большую роль играли города. Культурная общность этого периода обеспечивалась в том числе распространением двух основных языков – обще греческого и арамейского, но во многих регионах сохранялись свои языки и обычай. Произошли изменения и в быту. Четче проявились различия между культурой города и деревни. Процветала идеология космополитизма и индивидуализма. Это было время развития науки и искусства». [\[8, с. 68\]](#)

Социальность меняется также в ходе развития философии и позднее науки. В ней создаются новые формы «концептуализации» (осознания) социальной жизни и схемы, сценарии и проекты ее изменения. «Государство» Платона и «Политика» Аристотеля – первые образцы подобной концептуализации.

Готовит изменение социальности развитие (изменение и усложнение) жизни. Например, завершению социальности Древних царств способствовало разделение труда, развитие рыночных отношений, даже кризис веры в богов. Если в классический период культуры Древних царств человек считал, что повеления исходили от богов и царей и боги желали человеку только благо, то в завершающий период этой культуры человек нередко пытался диктовать богам и даже отрицал их благие намерения. Вот три текста того времени.

Что получил я от бога, которому поклонялся?

Пред тем, кто ниже меня, я склоняюсь,

Презирают меня (и) последний, (и) богатый, и гордый.

А вот причина.

Вгляделся я в мир – дела (обстоят) по-другому:

Демону бог не закрыл дороги,

Отец по каналам волочит лодку,

А) сын его (взрослый) разлегся в постели [\[3, с. 35, 85-86\]](#).

Хотел (бы) я знать, что богу приятно;

Что хорошо человеку – преступленье пред богом,

Что для него отвратительно – хорошо его богу!

Кто волю богов в небесах узнает? [\[3, с. 120\]](#).

«Богу, отцу моему, скажи! Так говорит Апиль-Адад, раб твой: Что же ты мною пренебрегаешь? Кто тебе даст (другого) такого, как я? Напиши богу Мардуку, любящему тебя: прегрешения мои пусть он отпустит. Да увижу я твой лик, стопы твои облобызаю. И на семью мою, на больших и малых взгляни. Ради них пожалей меня. Помощь твоя пусть меня достигнет». [\[3, с. 46\]](#)

Наконец, об изучении социального действия. Вероятно, мы только на подступах к решению этой задачи. По идеи, ее должны были бы решать такие дисциплины как практиология, теория деятельности, синергетика, социальная технология, но пока их успехи в этой области незначительны. Интересно, почему?

Однако для ответа на вопрос о характере предмета социальных наук, на мой взгляд, материала вполне достаточно. Социальные науки, изучают, с одной стороны, объединения и популяции людей, с другой – процессы и закономерности их изменения, с третьей стороны, социальные действия, под влиянием которых эти изменения происходят. Социология конструирует свои идеальные объекты в предположении, что главным в этой реальности являются люди и их отношения. Другие социальные дисциплины рассматривают людей как один из факторов и условий, а в качестве главных выделяют и изучают различные деиндивидуальные процессы и структуры.

Библиография

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 375-635.
2. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. 255 с.
3. Клочкин И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. 207 с.
4. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: Изд. Экзамен, 2002. 315 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
6. Маркс К. Капитал. Т. 2. Издание восьмое. М.: Партиздан ЦК ВКП (б) 1935. 384 с.

7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
8. Розин В.М. Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М.: ЛЕНАНД, 2016. 288 с.
9. Розин В.М. Становление и развитие европейской социальности: Этюды-исследования. Кн. 1: Древний мир и Средние века. М.: ЛЕНАНД, 2019. 182 с.
10. Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 256 с.
11. Гёбекли-Тепе <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гёбекли-Тепе>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье автор делится своими размышлениями о природе социальности как «второй природы» человека и об отношениях, которые сложились между социологией, пытавшейся в эпоху распространения среди учёных позитивистских настроений «узурпировать» изучение общества, и другими науками, изучающими общество в целом или отдельные его фрагменты. Статья, по-видимому, должна рассматриваться как обобщающая, автор возвращается к фундаментальной проблеме источника и механизмов общественного развития, над которой размышляли великие философы, историки, экономисты, представители других областей социально-гуманитарного знания. В этой связи приходится констатировать, что в статье лишь частично реализован этот замысел; его более полное воплощение должно было бы получить более системное и отточенное выражение, между тем, в тексте присутствуют как фрагменты, связь которых с основной темой неочевидна (например, экскурсы в древнюю историю), так и, с другой стороны, игнорируются концепции, которые, кажется, сами собой «просятся на перо». К последним относится, прежде всего, материалистическое понимание истории К. Маркса; правда, упоминания об этом великом мыслителе встречаются в тексте, но приурочены они к значительно более «мелким» сюжетам. Следует вспомнить, что идея социологии как «объективной» науки об обществе (недовольство Конта и его ближайших последователей вызывали «произвольный» и часто «фантастический» характер объяснения событий общественной жизни, в чём они упрекали, прежде всего, «Философию истории» Гегеля), и материалистическое понимание истории были сформулированы практически одновременно; легко увидеть, что создатели этих концепций отвечали на «вызов времени», и (до «позднего» Дюркгейма и Вебера) могло казаться, что их можно легко сочетать, что «социология» как новый научный и социальный проект конкретизирует (в «почти синхроническом аспекте») грандиозную теорию, выросшую из материалистического понимания истории. Конечно, сегодня мы понимаем, что любая теория, акцентирующая какой-либо один или немногие принципы объяснения «социальности» как процесса изменения общественной жизни не может выглядеть убедительно; человек («природа» которого всё-так «не до дна» исчертывается «совокупностью (ансамблем) общественных отношений) оказался, как показали социально-гуманитарные науки прошлого века, бесконечно более сложным существом, чем любой, сколь угодно фундаментальный, «объяснительный принцип» (и здесь снова невозможно не вспомнить знаменитый фрагмент «Капитала», в котором Маркс говорит, что представление об истории должно было бы оказаться слишком «мистическим», если бы мы признали её исчерпывающую предопределённость). Думается, что эта невозможность выбора какого-либо одного (или нескольких взаимосвязанных) принципа

в качестве «точки отсчёта» для всякой модели объяснения социальных явлений, в конечном счёте, и является источником того положения в социально-гуманитарных науках, о котором размышляет автор. Судя по тому, насколько это положение далеко от «порядка» (и, соответственно, близко «хаосу»), можно заключить, что удовлетворительное объяснение будет найдено не скоро, так что несправедливо, конечно же, было бы винить автора в том, что оно не сформулировано в рецензируемой статье. По-видимому, должны произойти какие-то принципиальные изменения в самом обществе, чтобы исследователи смогли открыть новую страницу в истории его изучения; до сих пор же все авторы – от безвестных до «именитых» – лишь произвольно перебирают те принципы объяснения социальности, которые были сформулированы мыслителями прошлого. Несмотря на высказанные замечания можно констатировать, что рецензируемая статья вызовет заинтересованное внимание читателей, до публикации в журнале необходимо в рабочем порядке исправить опечатку, будто цитируемый фрагмент «Капитала» мог быть написан К. Марксом в 1821 году, а также некоторые другие опечатки.